

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-616-625

EDN: ADZUWQ

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Миф о Петербурге в зеркале современной литературы

С.А. Румянцева^{ID✉}, М.М. Голубков^{ID}

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉sonya_kit-kit@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – системное описание перехода «петербургского текста» из живой литературной традиции в гипертрофированный, фрагментарный и саморефлексивный мифологический код. Данный вопрос раньше не рассматривался в комплексе: исследования либо останавливались на классике XIX в., либо фиксировали отдельные постмодернистские приемы без связи с архаическим пластом. Научная ценность работы – в выявлении устойчивой структуры «архетипа смерти», который сохраняется при любых идеологических сдвигах и становится ядром русской культурной идентичности. Статья содержит разделы, посвященные теории петербургского текста, анализу политических катаклизмов как факторов его трансформации и сопоставлению ключевых мифологем (воды, смерти). Методологическую основу исследования составили анализ корпуса текстов, семиотическая деконструкция повторяющихся сюжетных узлов. Петербург в современной литературе – не топос, а оператор культурной памяти; миф о нем пережил свой референт и превратился в автономный генератор смыслов. Полученная модель может служить инструментом для дешифровки других «городских текстов» русской культуры.

Ключевые слова: петербургский текст, культурная идентичность, мифология города, городской текст, гипертрофия мифа, русская литература XX–XXI вв.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных, написание статьи – С.А. Румянцева; редактирование – М.М. Голубков. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: Румянцева С.А., Голубков М.М. Миф о Петербурге в зеркале современной литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 616–625. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-616-625> EDN: ADZUWQ

© Румянцева С.А., Голубков М.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Myth of St. Petersburg in the Mirror of Modern Literature

Sofya A. Rumyantseva^{ID}, Mikhail M. Golubkov^{ID}

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉sonya_kit-kit@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to systematically describe of the transition of the St. Petersburg text from a living literary tradition to a hypertrophied, fragmentary, and self-reflexive mythological code. The question of how political cataclysms (revolutions, blockades, the renaming of the city) and the change of place names transformed the archaic myth had not previously been addressed comprehensively: studies either focused on the classics of the 19th century or identified individual postmodern techniques without connection to the archaic stratum. The scholarly contribution of this work lies in identifying the stable structure of the “archetype of death”, which remains stable across ideological shifts and becomes the core of Russian cultural identity. The article contains sections devoted to the theory of the St. Petersburg text, examination of political upheavals as catalysts for the transformation of the St. Petersburg text, and comparison of key mythemes (of water and death). The research methodology included comparative analysis of the corpus of texts, and semiotic deconstruction of recurring narrative nodes. St. Petersburg in modern literature is not a topos, but an operator of cultural memory; the myth of the city has outlived its referent and turned into an autonomous generator of meanings. The resulting model can serve as a tool for deciphering other “urban texts” of Russian culture.

Keywords: St. Petersburg text, cultural identity, city mythology, urban text, myth hypertrophy, 20th–21st century Russian literature

Author contributions. Development of the idea, research data collection & analysis, writing – Sofya A. Rumyantseva; editing – Mikhail M. Golubkov. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Rumyantseva, S.A., & Golubkov, M.M. (2026). The Myth of St. Petersburg in the Mirror of Modern Literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(3), 616–625. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-616-625> EDN: ADZUWQ

Введение

Миф о Петербурге формировался под влиянием двух противоположных, но взаимодополняющих источников: фольклора и официальной литературной традиции. В фольклорной среде ключевую роль сыграло упоминание царевичем Алексеем на допросе слов жены Петра I Евдокии Лопухиной: «Быть Петербургу пусту» (Долгополов, 1977, с. 60). Это изречение, воспринятое как проклятие, стало основой мифологемы, превратившей город в символ Божьего гнева, зла, беспорядка и неестественности – «ненатурального» поселения, навязанного силой и чуждого русской душе. В преданиях, песнях и анекдотах Петербург предстает как город-призрак, проклятый самим небом, где царят холод, иноземные нравы и моральная деградация. Этот миф не просто передается устно – он становится культурным кодом, в котором город ассоциируется с трагедией, предательством и божественным наказанием.

В противовес этому в официальной литературе, особенно в эпоху империи, господствовали апологетические нарративы, превозносящие Петербург как «окно в Европу», символ просвещения, цивилизации и имперской мощи. Поэты, историки и государственные деятели изображали город как плод гения Петра I, воплощение разума, порядка и прогресса. Однако, как подчеркивает Л. Долгополов (1977), суть дискуссий вокруг Петербурга никогда не сводилась к спорам о его историческом возникновении – они были и остаются спорами об отношении к нему, то есть речь идет не о том, как был основан город, а о том, как его понимать: как богохульное чудовище или как величайшее достижение цивилизации.

Социальные катаклизмы как катализаторы трансформации петербургского текста

Коренной перелом в судьбе петербургского текста русской литературы обусловили Октябрьская революция 1917 г. и последовавшее переименование города в Ленинград в 1924 г. Ряд исследователей, вслед за М.В. Рождественской, полагают, что с этого момента классический петербургский текст, описанный В.Н. Топоровым, фактически прекращает свое существование, уступая место идеологически переориентированному «ленинградскому тексту», где Ленин замещает Петра в роли демиурга (2002, с. 10).

Хотя одни ученые, такие как И.З. Вейсман (2005), говорят о трансформации и продолжении традиции, другие, например В.И. Тюпа, настаивают на принципиальном разрыве: «Ленинградский текст, если таковой может быть выявлен и описан, не является продолжением петербургского», поскольку «топонимия в искусстве слова принципиально важнее топографии» (2005, с. 91). Этой же позиции придерживается М. Окутюрье, который отмечает, что «переименованием города завершается то, что В.Н. Топоров назвал „петербургским текстом русской литературы“» (1997, с. 164). В то же время часть современных исследований опирается на «ленинградский текст» как на продолжение петербургского, особенно в контексте литературы XXI в., например исследование Н.А. Колондаевой (2021).

С другой стороны, предлагается концепция «главы» петербургского текста, предполагающая, что на разных исторических этапах она сохраняет свои основные структурные элементы, но при этом обогащается новыми смысловыми слоями и ассоциациями под влиянием внешних событий, например эмиграция начала XX в. или Великая Отечественная война. Эту идею развивают З.Г. Минц, указывающая, что «„петербургский текст“ русских символистов предстает и как „глава“ в непрерывно становящемся „петербургском тексте русской литературы“» (2004, с. 103–115), и И.З. Вейсман, согласно которой «тяготение петербургского текста к открытости нашло реализацию в ленинградском тексте русской литературы, который может рассматриваться как „глава“ петербургского текста или сепаратно по отношению к нему» (2005, с. 4).

Независимо от избранной точки зрения очевидно, что в период 1920–1990-х гг. петербургский текст оказался оторван от своих классических осно-

ваний. Его мифологическая структура не исчезла, но подверглась сильной деформации: прежние семантические компоненты были переосмыслены, идеологизированы или доведены до крайности. Для современных авторов, таких как А. Аствацатуров или А. Обух, принципиально важно разделение между Петербургом и Ленинградом как двумя топосами, несущими два совершенно разных культурных кода.

Как уже отмечалось, термин «петербургский текст», введенный В.Н. Топоровым (2005), является устоявшимся и продолжает развиваться за счет включения произведений современной литературы, то есть накапливает новые смысловые субстраты.

В современной литературе интерес к петербургскому интертексту не угас, однако он существует уже как сознательная игра с гипертрофированным мифом. Как показывают исследования Д.Ф. Керимовой (2017), а также В.Д. Черняк и М.А. Черняк (2018), современные писатели (Т. Толстая, А. Битов, М. Веллер и др.) активно апеллируют к образам Пушкина, Гоголя, символистов, но делают это через призму личного, автобиографического опыта и жанров нон-фикшн. Петербургский текст сегодня – это уже не органичная семиотическая среда, а сознательно эксплуатируемый набор мифологем, яркий, но во многом утративший связь со своим первоисточником.

Трансформация архетипа смерти в петербургском тексте

Преобразования петербургского текста вызваны политическими причинами, но литературные корни остались прежними. Важной мифологемой становится ненормальность города Петра, берущая начало в предсказании Е. Лопухиной. В «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевский собирает лейтмотивы петербургского мифа и выявляет сюжеты, которые неизменно присутствуют в последующих текстах. Город здесь – среда, оказывающая странное влияние на людей, он заражает их, подобно трихинам из сна Раскольникова, где микроскопические существа поражают всех, рождая странные идеи.

Раскольников видит губительное влияние Петербурга, но не осознает его; проследить погружение человека в среду удается Свидригайлову:

Да вот еще: я убежден, что в Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой. Это город полусумасшедших. Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния!¹

И правда, теория Раскольникова, порожденная не им, но самим городом, будто искала своего героя, способного ее воплотить: сначала он видит галерею персонажей, которые гибнут от бедности и безысходности – Мармеладова,

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. Т. 6. С. 357.

Катерину Ивановну, девушку на бульваре; затем случайно узнает время, когда старуха будет дома одна; наконец, он находит аргументы в пользу верности теории, услышав разговор офицера и студента в трактире.

Однако и после убийства Раскольников не чувствует облегчения: город продолжает его душить и сводить с ума; лишь на каторге, вдали от Петербурга, герой совершает первый шаг к избавлению от губительной идеи о разделении людей на имеющих право и тех, у кого его нет.

Подобное «лишение мира нормальности», «разлад мечты и действительности» (Башкеева, 2023, с. 70) отражается и в современной литературе. Пусть гиперболизировано и где-то иронично, но то же погружение, подобное втягиванию в болото вымысла, в нереальный мир, изображают прозаики XXI в.

Андрей Аствацатуров, потомственный петербургский интеллигент и филолог, строит свои тексты как «роман в рассказах» – жанр, отсылающий к традициям русской литературы и идеально подходящий для изображения фрагментарного, мозаичного опыта жизни в современном Петербурге. Автор иронизирует над «рыхлой» композицией своих книг, но эта кажущаяся хаотичность, бессюжетность, мерцание эпизодов, напоминающее калейдоскопическую игру, является осознанным художественным приемом, отражающим саму природу города.

В эссе-размышлениях А. Аствацатуров прямо противопоставляет «питерских» и «московских» писателей, выводя это различие из атмосферы двух столиц. Он отмечает, что петербургские авторы «явно уступали им [московским] в изобретательности, словоохотливости и были более сдержанны, словно что-то скрывали»². Эта сдержанность и скрытность, по его мнению, продиктована городом, где всегда сыро и холодно. Он цитирует «безумного философа», утверждавшего, что «гении не рождаются там, где сыро, холодно и не бывает снега»³. Таким образом, ироничная, легкая и забавная проза Аствацатурова – это не отрицание традиционного петербургского мифа, а его новая, адаптированная к современности версия, где хтонь и абсурд скрыты под маской интеллектуального юмора.

В «Скунскамере» А. Аствацатурова городское пространство порождает гротескные и абсурдные ситуации: проститутка, укравшая у клиента штаны и вставную челюсть; филолог, угрожающий соседу карандашом как «оружием филолога»⁴. Это не бытовые зарисовки, а своего рода городской фольклор, присказка у каждого петербуржца, отражающая глубинное, иррациональное начало жизни в этом городе. Для Аствацатурова Петербург – место взросления, окультуривания, где ирония становится защитным механизмом против давления гнетущей городской мифологии.

Совершенно иную, но столь же мифологизированную грань Петербурга показывает Катя Пицык в романе «Город не принимает». Ее героиня – приезжая студентка, для которой город становится местом инициации, столкнове-

² Аствацатуров А. Люди в голом. М. : АСТ, 2019. С. 121.

³ Аствацатуров А. Скунскамера. М. : АСТ, 2021. С. 49.

⁴ Там же. С. 10.

ния с жестокой реальностью 1990-х. Если у Аствацатурова 1990-е – это богемные вечеринки с иностранцами, то у Пицк – бедное студенческое общежитие, голод и маргинальность.

Город здесь – одушевленное, враждебное существо, которое «не принимает» чужаков. Он физиологичен: героиня видит «черную мерцающую слизь»⁵ в тупиках дворов-лабиринтов, а скульптор, коренной петербуржец, создает статуи животных с человеческими гениталиями. Пространство города гипертрофировано до гротеска: общага со «сросшимися по-сиамски корпусами»⁶, «желтое каменное влагилице»⁷ подземного перехода. Даже любовная драма здесь доведена до абсурдного ужаса: героиня готова сделать операцию на носу, потому что он, по словам ее избранника, «мешает делать минет»⁸. Петербург Пицк – это город-фантом, источник боли и урок, где абсурд и жестокость становятся нормой.

Елена Вяхякупус в детективе «Из бездны с любовью» и Антон Секисов в «Комнате Вагинова» выводят на первый план мистическую, иррациональную составляющую петербургского мифа. Сюжеты обоих романов разворачиваются на грани сна и яви, реальности и бреда. У Е. Вяхякупус пропавшие дети могут быть жертвами то ли маньяка, то ли древних мифологических гарпий, оживающих на городских монументах. Героиня видит кошмары, где лепит пельмени из живых человечков, а расследование приводит ее в мир, где другая страна пролегает через Петербург.

А. Секисов идет еще дальше, буквально поселяя своего героя-филолога в квартире писателя-обэриута Константина Вагинова. Дом на канале Грибоедова становится порталом в сюрреалистический мир, где соседи – полубезумные поэты и философы, а за одной из дверей томится похищенная девушка. Герои фиксируют смерти как нечто обыденное («очередная резня в питерской коммуналке»⁹), классифицируя их по каббалистической системе. Городское пространство пропитано безумием: иностранец, уехав, с ужасом вспоминает, что, по его мнению, «одна половина жителей Петербурга – сумасшедшие, а вторая – алкоголики»¹⁰. Петербург здесь – это место, где реальность искажается, а литература (изучение Вагинова) требует готовности к саморазрушению.

Алексей Конаков в романе «Табия тридцать два» и Арина Обух в «Следующей остановке – „Пионерская-стрит“» предлагают свои вариации на тему тотального отчуждения и переписывания мифа. Конаков создает альтернативную реальность, где улицы Петербурга именуются в честь шахматистов, а не деятелей искусства. Но и этот «новый» город остается враждебным: он «вызывает приступы омерзения»¹¹, а его ветры будят паранойю. Петербург – это шахматная доска, где люди – пешки в чужой игре.

⁵ Пицк К. Город не принимает. М. : Эксмо, 2016. С. 221.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Секисов А. Комната Вагинова. М. : Альпина, 2023. С. 217.

¹⁰ Там же. С. 186.

¹¹ Конаков А. Табия тридцать два. М. : Индивидуум, 2024. С. 241.

А. Обух использует форму сказки-некролога для рассказа о трагических судьбах реальных петербургских художников. Ее повествование построено как цепь историй о том, как город «забирает» людей: самоубийства, исчезновения, необъяснимая жестокость. Финал истории всегда один – «ее забрал Петербург». Это доведенная до предела концепция города как самостоятельной, враждебной человеку силы, действующей по своим жестоким и необъяснимым законам. «Петербург Обух неожиданным образом лишен своих привычных четких и строгих линий – для нее он пространство возможных событий, переменчивых, тонких настроений, город – атмосфера» (Веретенова, 2025, с. 256).

Трансформация архетипа воды в петербургском тексте

Предречение «Петербургу быть пусту» традиционно трактуется как обреченность северной столицы на гибель от воды – тут может быть виновато как болото, на котором стоит город, так и неукротимая Нева, которая и при жизни Петра буйствовала и губила горожан. В художественной литературе к этому сюжету присоединяется мотив роковой смерти, преследующей петербуржцев. В «Преступлении и наказании» Нева – не только причина, но и предзнаменование скорого финала. Почти обязательной чертой Петербурга Ф.М. Достоевского становится его «сырость»: «Концепты вода, туман, дождь, снег получают репрезентацию практически во всех его составляющих, реализуя при этом почти исключительно негативные признаки» (Шурупова, 2021, с. 128).

Раскольникову перед убийством снится сон о голубой воде, но сразу после убийства он видит «на лавке ведро, наполовину полное воды»¹², куда он окунает и руки, и лицо. Это уже не утопический оазис, а начало губительного водоворота. Избавиться от краденого Родион планировал тоже с помощью воды: «Бросить все в канаву, и концы в воду, и дело с концом»¹³, но в итоге в воду он бросает монетку, которую ему дали на улице, приняв по ошибке за просящего. И эта брошенная монета становится символом: «Как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту»¹⁴.

Наконец, вода показывает герою, что может нести гибель обитателям города: проходящая мимо женщина прыгает с моста, а Раскольников лишь наблюдает, как «грязная вода раздалась, поглотила на мгновение жертву»¹⁵. Эта сцена будто предупреждает, что смерть скоро случится: в этот же день Раскольников случайно видит смерть Мармеладова.

Чуть позже герой узнает трагические судьбы женщин, чьи жизни оказались связаны со Свидригайловым – героем, вокруг которого витает атмосфера гибели. Его жена – «как только вошла в воду, вдруг с ней удар»¹⁶; да и шестнадцатилетняя, с которой Свидригайлову приписывают интимную связь, буд-

¹² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 65.

¹³ Там же. С. 84.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ Там же. С. 131.

¹⁶ Там же. С. 175.

то бы тоже бросилась в воду зимой, лишь бы избежать встречи с Аркадием Ивановичем. Возможно, именно поэтому путь утопленницы Родион предлагает Соне, увидев ее жизнь изнутри: «Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!»¹⁷

Эта гибельная притягательность воды сохраняется и в современных текстах, где обретает возможность манить и вершить судьбы. У Елены Вяхякупус в романе «Из бездны с любовью» вода приобретает мистический характер: «Гуля спустилась к реке... Она наклонилась над черной водой, и последний луч озарил на дне маленького мальчика... Она засмеялась и шагнула вперед»¹⁸. Здесь вода – не просто стихия, а портал в иную реальность, заманчивый и смертельно опасный.

У Антона Секисова мотив потопа не в первый раз проявляется в «Комнате Вагинова»: еще в «Боге тревоги» герои в маленьких петербургских комнатухах переживают потоп – «губительная сила водной стихии Петербурга активизируется в рамках квартир главных героев» (Смирнова, 2024, с. 113). И это влияет на главного героя, ведь он еще с детства «понял», что все водоемы сообщаются между собой, а потому морские чудовища могут достать где угодно.

Арина Обух в сборнике рассказов «Следующая остановка – „Пионерская-стрит“» доводит водную тему до крайности. Вода пишется с заглавной буквы: «Это уважение? Или священный ужас? Это что-то рыбье: поэт говорил, что мы произошли от хордовых. Вода. Праматерь. Первый дом. Из которого нас изгнали»¹⁹. Сцена у Невы становится метафорой тотального отчуждения: героиня балансирует между жизнью и смертью, а поступок ее спутника, не попытавшегося спасти девушку, становится толчком к тому, что героиня представляет себя утопленницей. Один из сценариев смерти похож на ритуальное погружение девушки в воду. Это акт своеобразного «арт-хауса», где смерть становится перформансом:

Герман хватается ее, берет на руки. Спасена.

Но еще не успела отойти от ужаса. Ей хочется ощутить гранит под ногами. Герман все еще держит ее.

Пауза затягивается. Начинает моросить дождь. И она бросает взгляд, мол, дождь, отпусти меня, нам надо идти. В ответ он бросает свой взгляд: «Нет, не надо. У нас ведь арт-хаус».

– Герман, что ты делаешь?!

Этот вопрос прозвучал глупо, почти как «Эй! Ты куда?!».

Он опускал ее в воду. Медленно. И, можно сказать, бережно.

Сначала в воду ушёл край её плаща, потом вся она оказалась в стихии.

Бархатается, пытается ухватиться за ту самую ступеньку.

Он тянет к ней руку. Она понимает, что он ее все-таки вытаскивает. Потом она его убьет, выбросит за борт, сожжет, но сейчас он ее вытаскивает. Он прикасается рукой к ее голове и резко опускает вниз²⁰.

¹⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 245.

¹⁸ Вяхякупус Е. Из бездны с любовью. М. : АСТ, 2023. С. 215.

¹⁹ Обух А. Следующая остановка – «Пионерская-стрит». М. : АСТ, 2024. С. 7.

²⁰ Там же. С. 191–192.

Как отмечает Г.Р. Насибуллова, «здесь Нева – это безысходная ситуация, в которой оказалась героиня» (2025, с. 108). Вода в этом контексте сохраняет свою роковую функцию, но приобретает новые смыслы – от мистического портала до инструмента ритуального убийства.

Заключение

Исследование показывает, что петербургский текст русской литературы, формировавшийся под влиянием фольклорных и официальных нарративов, претерпел радикальные трансформации в XX–XXI вв. Если в XIX в. город предстал как пространство морального и экзистенциального кризиса (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский), то в современной прозе он становится ареной гротеска, абсурда и мистических экспериментов. Переименование Петербурга в Ленинград в 1924 г. ознаменовало не только смену топонима, но и переосмысление его мифологической структуры.

Современные авторы (А. Аствацатуров, К. Пицык, А. Обух, А. Секисов и др.) не отвергают классические мотивы, а переосмысливают их, исследуя город как враждебную силу, поглощающую личность. Вода, смерть, безумие – эти архаичные элементы петербургского мифа приобретают новые формы: от мистических порталов до атрибутов ритуальных убийств.

Таким образом, современный «петербургский текст» существует как сложная система гипертрофированных мифологем. Это уже не целостный семиотический код, описанный В.Н. Топоровым, а набор интенсивно тиражируемых образов: город-лабиринт, город-абсурд, город-сон, город-смерть. От сдержанной иронии А. Аствацатурова до тотального пессимизма А. Обух – все эти стратегии являются попыткой художественного осмысления одного и того же: жизни в пространстве, где миф окончательно вытеснил реальность.

Список литературы

- Башкеева В.В. Тело как предмет в повести Н.В. Гоголя «Нос» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 4. С. 66–72. <https://doi.org/10.18101/2686-7095-2023-4-66-72> EDN: XSOPPH
- Вейсман И.З. Ленинградский текст Сергея Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Саратов гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. Саратов, 2005. 21 с.
- Веретенкова Т. Надо ли быть своим? // Дружба народов. 2025. № 4. С. 250–258.
- Долгополов Л. На рубеже веков : о рус. литературе конца 19 – начала 20 в. Л. : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. 368 с.
- Керимова Д.В. Интертекстуальность как текстообразующая категория литературы постмодернизма (на примере сборника рассказов и эссе Т.Н. Толстой «Не кысь») : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Дагестанский гос. ун-т]. Махачкала, 2017. 21 с. EDN: DOPNAM
- Колондаева Н.А. Архетип ленинградской квартиры в романах Е.С. Чижовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 100–105. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-5-100-105> EDN: EZYMMK

- Минц З.Г. Петербургский текст» и русский символизм // Блок и русский символизм : избранные труды : в 3 кн. / сост. Л.Л. Пильд. СПб. : Искусство-СПб, 2004. Кн. 3 : Поэтика русского символизма. С. 103–115.
- Насибуллова Г.Р. Городской текст в современном художественном дискурсе: интерпретация смыслов // Филологический класс. 2025. Т. 30. № 3. С. 105–112. <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2025-30-3-105-112> EDN: QKNACO
- Окутюрье М. Смерть Петербурга // Санкт-Петербург: окно в Россию. Город, модернизация, современность : материалы Междунар. науч. конф., Париж, 6–7 марта 1997 г. / сост. Е. Берар. СПб. : Феникс, 1997. С. 164.
- Рождественская М.В. «Ленинградский текст» Петербургского текста // Петербургский текст в русской литературе XX в. : материалы XXXI Всерос. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб. : Сударыня, 2002. Ч. II. С. 10.
- Смирнова А.К. Традиции «петербургского текста» в творчестве Антона Секисова (на материале романов «Бог тревоги», «Комната Вагинова») // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 5. С. 107–115. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11639748> EDN: FNTETI
- Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. / ред. Н.Г. Николаюк. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
- Тюпа В.И. Коренная мифологема Петербургского текста // Существует ли Петербургский текст? / под ред. В.М. Марковича и В. Шмида. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2005. Т. 4. С. 82–91. EDN: RZXWWP
- Черняк В.Д., Черняк М.А. Москва и Петербург в текстах нон-фикшн // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2(191). С. 9–13. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-9-13> EDN: YRREW X
- Шурупова О.С. Петербургский текст Ф.М. Достоевского как составляющая петербургского сверхтекста русской классики // Творчество Ф.М. Достоевского в непрощедшем времени России : материалы Всерос. науч. конф., Липецк, 6–7 апреля 2021 г. / отв. ред. А.С. Кондратьев, Е.А. Попова. Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 125–131. EDN: VWUDLS

Сведения об авторах:

Румянцева Софья Александровна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991 Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0000-0001-7143-1770; SPIN-код: 2048-5186. E-mail: sonya_kit-kit@mail.ru

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0000-0001-9162-6006; SPIN-код: 8586-2616. E-mail: m.golubkov@list.ru